

К списку двувидовых глаголов в русском языке: история *пасть**

Владимир Плунгян

I.

Феномен двувидовых глаголов¹ в русском языке, казалось бы, хорошо изучен и, как часто думают, не представляет особого интереса ни в плане теории, ни в плане практического описания. До недавнего времени доминировал взгляд на двувидовые глаголы как на сугубо маргинальную группу, в современном языке не только крайне незначительную по объему, но и постоянно уменьшающуюся за счет потери видовой омонимии всеми или некоторыми глагольными формами в парадигме. Иными словами, двувидовые глаголы обычно рассматривались как грамматический архаизм, неуклонно уходящий из современного языка. Подобная трактовка сформировалась в традиционной русистике к середине XX в. (когда стала практически единодушной); из современных авторов наиболее бескомпромиссно такой взгляд сформулирован, как кажется, в ряде работ Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелёва; ср. последнюю версию их обобщающего очерка русской аспектологии (впервые изданного в 1997), где прямо утверждается, что, за вычетом группы глаголов на *-[из]ировать* и *-овать*, двувидовых глаголов «в русском языке к настоящему моменту остались считанные единицы, и их количество продолжает уменьшаться и сейчас (поэтому списки,

---

* Работа поддержана грантом РГНФ 17-04-00517а «Развитие морфологического и семантико-синтаксического компонентов корпусного описания грамматики современного русского языка».

¹ В соответствии с традицией, мы называем двувидовыми такие глагольные лексемы, все или хотя бы часть словоформ которых может иметь грамматическую характеристику как совершенного, так и несовершенного вида (типа *казнить*, *бежать* или *эвакуировать*). При этом, разумеется, в конкретном контексте может допускаться (и, как правило, допускается) только одна из двух видовых интерпретаций; различия в видовой принадлежности могут также коррелировать с разными лексическими значениями полисемичного глагола (как в случае *бежать*). Иными словами, двувидовыми являются глаголы, у которых грамматическая оппозиция по виду морфологически не выражена и формы, различающиеся только видом, в плане выражения совпадают.

приводимые в работах даже двадцати-тридцатилетней давности, в настоящее время уже частично устарели)» (Зализняк и др. 2015: 82) – и, в качестве резюме, констатируется, что двувидовые глаголы «в современном русском языке представляют собой периферийное явление» (ibidem: 87).

Как кажется, данное утверждение (и, соответственно, наиболее принятая традиционная концепция, которая за ним стоит) всё же является слишком категоричным. Двувидовые глаголы продолжают существовать в русском языке – в том числе и те, которые в некоторых работах были объявлены исчезнувшими; более того, целый ряд глаголов, которые никогда в состав этого класса не включались, на самом деле ведут себя, по крайней мере в некоторых контекстах, как двувидовые (как было показано И.Б. Иткиным, таковы, в частности, глаголы *разнообразить*, *стоять*, *наблюдать*, *контузить*, *способствовать*, *совершенствовать*; см. подробнее ниже). Не столь прямолинейна и диахроническая эволюция этого класса глаголов: в ранний период существования древнерусского языка такие лексемы играли большую роль в формировании грамматической категории вида, и их число было значительным еще в первой половине XIX в. (что имеет непосредственное отношение к основному персонажу данной статьи – глаголу *пасть*). Утрата элементов этого класса также происходила более сложным образом, чем принято думать; однозначно утверждать, что их количество «продолжает уменьшаться», нельзя. Всё сказанное заставляет пересмотреть традиционный взгляд на двувидовые глаголы как на сугубо маргинальный класс и скорее побуждает видеть в них сравнительно небольшой² по объему, но важный и существенный элемент русской видовой системы.

Следует отметить, что перелом во взглядах на роль двувидовых глаголов произошел в русистике в самое недавнее время – большинство релевантных публикаций датируются 2014-2015 годами, причем они зачастую принадлежат совершенно разным авторам, работающих в рамках несходных друг с другом научных школ и направлений. По-видимому, как это часто бывает в науке, в последние годы настал подходящий момент для пересмотра того, что еще недавно казалось пересмотру не подлежащим.

Из работ последних лет следует отметить прежде всего новаторское исследование И. Б. Иткина (к сожалению, материалы этого исследования, представленные в целом ряде докладов, пока опубликованы, насколько нам известно, только в виде кратких тезисов Иткин 2014), где обращается внимание на существование гораздо большего числа двувидовых глаголов

---

² Вообще говоря, количество двувидовых глаголов в современном русском языке не следует преуменьшать: по подсчетам различных исследователей, заимствованных глаголов этого типа имеется не менее тысячи (что уже никак не позволяет говорить о маргинальности этого класса); но даже и число двувидовых лексем славянского происхождения не столь уж мало и насчитывает примерно 60 единиц (данные разных исследователей колеблются в интервале от 30 до 80, и это в любом случае никак не «считанные единицы»). Подробнее о количественной оценке этого класса см. Черткова, Чанг 1998 и особенно Андросюк 2015 (с обзором литературы).

по сравнению с фиксируемыми в традиционных описаниях (в частности, в основных словарях и в работе Еськова 1990/2011 – впрочем, ряд специальных исследований, итог которым подводится в Андросюк 2015, дают более пространные списки). То, что двувидовой характер многих глаголов от исследователей был скрыт, часто объясняется трудностью определения видовой принадлежности глагола в произвольном контексте: как известно, абсолютно однозначных контекстов как для НСВ, так и (в особенности) для СВ крайне мало, и «неправильная» видовая принадлежность многих примеров оказывалась незаметна. Самый яркий случай такого рода – это глагол *отвечать* (обсуждавшийся уже в Долгопольский 1963), о котором обычно сообщается, что это глагол НСВ, «употребляющийся в значении СВ». Не вполне ясно, чем, собственно, такая формулировка отличается от признания двувидового характера этого глагола (которое и отстаивается в Иткин 2014), тем более, что данная лексема не единична: более подробно проблемы видовой характеристики глаголов, вводящих прямую речь, были рассмотрены в ряде недавних работ Е.Н. Никитиной (см., например, Никитина 2014). Впрочем, не менее показательны и некоторые контексты употребления глаголов *иметь* и *быть*, которые, будучи, казалось бы, прототипическими примерами стативов НСВ (и, более того, *imperfectiva tantum*), тем не менее в ряде случаев ведут себя как глаголы СВ: для *иметь* это, например, конструкции *иметь место* и *иметь беседу* (Иткин 2014), для *быть* – *был таков* и ряд других (подробнее об аспектуальных свойствах *быть* см. Падучева 2015).

Трудности определения видовой характеристики глагола в произвольном контексте могут быть проиллюстрированы примерами (1)-(5), содержащими формы СВ глагола *реагировать*. В современном языке *реагировать* не относится к двувидовым и считается глаголом НСВ, хотя его морфологический тип характерен для заимствованных двувидовых глаголов. Само заимствование этого глагола является относительно недавним, в НКРЯ первые примеры датируются серединой XIX в. (и преимущественно относятся к текстам по химии или физиологии). Приводимые ниже примеры (также взятые из НКРЯ) относятся к первым десятилетиям XX в., когда видовая принадлежность глагола еще явным образом не была закреплена только за НСВ. Внимательный анализ каждого из этих примеров заставляет сделать выбор в пользу СВ как наиболее вероятной видовой интерпретации глагола в данных контекстах (в отличие от современного узуса) – однако это предположение может быть сделано только при условии, что исследователь исходит из того, что видовая принадлежность глагола не является очевидной; он должен быть, так сказать, заранее «настроен» на видовую неоднозначность. В противном случае несовпадение реальной видовой характеристики глагола с ожидаемой на основе (современного) словарного описания может оказаться незамеченным, в лучшем случае оставив ощущение легкой неправильности, не заслуживающей пристального внимания. Между тем, подобные контексты могут обнаружиться не только в текстах прошлого и позапрошлого веков, но и в современных. Как

кажется, именно такая психологическая неготовность увидеть видовую нестандартность там, где она не ожидается (наряду с излишней опорой на интроспекцию в ущерб корпусным данным), и была основной причиной того, что в русистике вплоть до самого недавнего времени доминировало упрощенное представление о двувидовых глаголах. Ср.:

- (1) Если вы раздражаете нервное волокно коротким по времени раздражителем, то вы можете получить эффект. Короткого возбуждения достаточно для того, чтобы нерв на него реагировал. [И. П. Павлов. Лекции по физиологии (1911-1913); в современном языке было бы предпочтительнее *прореагировал*]
- (2) Петербургская фондовая биржа, этот идеальный барометр политической жизни страны, реагировал 2-го сентября на весть о покушении на П. А. Столыпина сильным понижением курса цен на все бумаги. Особенно сильно понизилась государственная рента, котировавшаяся вчера по 94, а сегодня утром по 93 ½. [«Русское слово», 1911] <начало газетной заметки; в современном языке было бы предпочтительнее *отреагировал*>
- (3) Группа московских купцов-оригиналов своеобразно реагировала на президентские выборы во Франции. Был организован частный тотализатор, принимавший ставки на всех 11 кандидатов. Фаворитами были Памс и Пуанкарэ. На первого было поставлено 228 билетов, на 2-го 146. [«День», 1913] <начало газетной заметки; в современном языке было бы предпочтительнее *отреагировала*>
- (4) Да и без вождей массы отлично поняли значение совершившегося факта. Они реагировали немедленно, и реакция была очень острой. После наступления <...> настроение снова повысилось сразу на несколько градусов. [Н. Н. Суханов. Записки о революции (1918-1921); в современном языке было бы предпочтительнее *отреагировали*]
- (5) Однажды при мне в парикмахерскую зашла дама и обратилась к парикмахеру со словами: *Не купите ли у меня мыла?* – Парикмахер переспросил ее: *волосы причесать?* – т. е. увидел в ней клиентку и реагировал на ее обращение, исходя из привычной тематики шаблонного диалога в парикмахерской. [Л. П. Якубинский. О диалогической речи (1923); в современном языке было бы предпочтительнее *отреагировал*]

Как можно видеть, контексты употребления глагола *реагировать* в (1)-(5) – типично перфективные; в каждом из примеров описывается однократное завершённое событие, как правило, встроенное в последовательность аналогичных событий, имевших место до и/или после него. Однако употребление форм НСВ в перфективных контекстах – это явление, которое, вообще говоря, в русском языке также может иметь место; например, даже в современных текстах достаточно частотны конструкции вида *они обнялись и плакали* (из недавних исследований этой проблемы см. Зорихина-Нильссон 2014). Выбор между двувидовой интерпретацией глагола и особым «смещенным» употреблением НСВ – не такой простой, и в ряде случаев это оказывается крайне нетривиальной задачей (употребление форм типа

отвечать как раз относится к этим случаям). Тем не менее, с нашей точки зрения случаи, когда выбор следует делать в пользу признания двувидового характера глагольной лексемы, в современном русском языке не только существуют, но и гораздо более распространены, чем было принято думать³.

II.

В свете сказанного имеет смысл более подробно рассмотреть еще одну кандидатуру в список двувидовых глаголов, то пополнявшийся, то сокращавшийся на протяжении последних двух веков: глагол *насть* (през. *паду*, *падёт*, прош. *пал*, *пала*), сам по себе интересный и во многих других отношениях.

В современном языке *насть* несомненно относится к глаголам СВ, причем принадлежит к небольшому классу непроектируемых бесприставочных перфективов (так называемых «перфективных симплексов»), насчитывающих всего около десятка лексем – таких, как *сесть*, *лечь*, *стать*, *дать*, *деть*⁴ и нек. др. Симплексы (т.е. глаголы с непроектируемой основой, без префиксов и суффиксов) в подавляющем большинстве в современном русском языке имперфективны; перфективные же симплексы являются исторической аномалией, хотя и существуют во всех славянских языках (при этом их список пересекается лишь частично). Тем интереснее, что закрепление *насть* в этом списке – факт исторически поздний, двувидовые употребления отмечались у этого глагола в заметном количестве по крайней мере до начала 20-х годов XIX века. Этот факт был зафиксирован в работах по русской исторической грамматике (см. Булаховский 1948: 116-117 и особенно Авилова 1964: 34-37, где употребление *насть* в текстах XVIII-XIX вв. рассмотрено наиболее подробно). Биаспектуальность была свойственна этому глаголу в формах морфологического презенса (*падет*, *падут* и т.п.),

---

³ Следует заметить, что отдельные проницательные наблюдения о роли двувидовых глаголов делались в русистике и ранее. В частности, на неслучайность сохранения биаспектуальности у многих неперфективных глаголов (в том числе заимствованных) обращено внимание в давней статье Кнорина 1976. Высокая оценка этой работе дается в монографии Зельдович 2012, автор которой, опираясь в том числе и на некоторые идеи Л. В. Кнориной, пытается отстаивать положение о семантической мотивированности класса двувидовых глаголов в русском языке, лежащей в основе их относительной диахронической устойчивости. См. в особенности Главу 4 этой книги («Почему русские глаголы бывают двувидовыми?»; Зельдович 2012: 195-242). В этом подходе, при всей возможной спорности конкретной аргументации, важна оценка биаспектуальности не как внесистемного архаизма русской грамматики, а как в значительной степени мотивированного (и поэтому диахронически устойчивого) признака.

⁴ При этом имперфективный коррелят последнего, глагол *девать*, демонстрирует некоторые признаки двувидового поведения (Иткин 2014).

которые могли иметь не только основанную на перфективной интерпретации футуральную соотнесенность (как и в современном языке), но и основанную на имперфективной интерпретации презентную соотнесенность, обозначая как хабитуальное, так и актуально-длительное (= прогрессивное) настоящее. Примеры имперфективных употреблений форм презенса для *пасть* многочисленны у авторов XVIII в. и продолжают оставаться достаточно употребительными в первые два-три десятилетия XIX в. (особенно в поэзии). Ср. следующие характерные примеры, где формы презенса глагола *пасть* встречаются в окружении семантически однородных презентных форм с недвусмысленной имперфективной интерпретацией:

- (6) Очи как ни обратятся, / Вижу страх, и россы тут. / Стены твердые валяются, / Башни гордые падут. / Только солнце где блистает, / Наша слава там летает. [А. П. Сумароков. Дитирамб (1755)]
- (7) Прошедши дни воображая, / Смущаюсь, ужасом объят, / Пучины бед не вижу края, / Я зрю разверст свирепый ад. / Там злоба рвет свои оковы, / Пороки вырваться готовы, / И се они стремятся к нам: / Закон падет, и вера страждет, / Невежество растет и жаждет / Рассыпать муз священный храм. [В. И. Майков. Ода на всерадостный день восшествия на всероссийский престол ее величества июня в 28 день 1768 года (1768)]
- (8) Смутились все, как прах пред тучи грозной зраком; / Один падет стремглав, другой ползет там раком, / А третий, как медведь, пораненный, рычит, / Четвертый, яко бык, ударенный, мычит. [В. И. Майков. Елисей, или Раздраженный Вакх (1769)]
- (9) Когда хочу писать к тебе сии я строки, / В то время из очей моих льют слезны токи / И из трепещущей руки перо падет. / О Бибиков, мой друг, Козловского уж нет! [В. И. Майков. Письмо Василью Ильичу Бибикову о смерти князя Федора Алексеевича Козловского, который скончал жизнь свою при истреблении турецкого флота российским, быв на корабле «Евстафии» (1770)]
- (10) Я не в пространнх тех палатах обитаю, / Где часто сам себя ищу, не обретаю. / Притворно все там в них, стезей природы нет: / Светило красных дней не прямо внутрь падет, / Зима там не зима, и лето там не лето, / Средь самых хладных дней жилище их согрето, / И в пышных их домах среди тех толстых стен / Ни в осень, ни в весну там нет у них премен. [М. Н. Муравьев. Сельская жизнь (1770)]
- (11) Не в аде я! Но где ж?... Жива ли я?... Иль нет? / Не рушится ль земля?... Не небо ли падет?... / Ах! Небо и земля безвредны пребывают, / Но князи навсегда меня позабывают... [А. П. Сумароков. Дмитрий Самозванец (1771)]
- (12) Роза вянет, терние остается; столетний дуб, благодетель странников, падет на землю от громового удара; ядовитое дерево стоит невредимо на своем корне. [Н. М. Карамзин. Рыцарь нашего времени (1803)]

Примеры (6)-(9) и (11) иллюстрируют актуально-длительное значение НСВ, примеры (10) и (12) – хабитуальное. Как можно видеть, такие контексты многочисленны и разнообразны; в современном языке во всех этих

случаях должны быть употреблены формы презенса глагола НСВ *падать* (*падает* или *падают*, соответственно).

Разумеется, перфективные употребления форм презенса глагола *пасть* (соответствующие и современной норме) также встречаются в текстах этого периода в достаточном количестве, ср.:

- (13) Цари! страшитесь уподобиться сему ненавистному вельможе, престол ваш падет под бременем гордыни, и развалины его гробом вашим будут. [Д. И. Фонвизин. Та-Гюи, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию (1779)]
- (14) И все, что зрим, пройдет; все рушится, все будет прах. Но некий тайный глас вещает мне, пребудет нечто вовеки живо. С течением времен все звезды помрачатся, померкнет солнца блеск; природа, обветшав лет дряхлостью, падет. Но ты во юности бессмертной процветешь, незыблемый среди сражения стихиев, развалин вещества, миров всех разрушенья. [А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779-1790)]

Переход от биаспектуальных к исключительно перфективным употреблениям происходит у глагола *пасть*, по-видимому, на протяжении третьего десятилетия XIX в. (в поэзии сохраняясь еще примерно десятилетие); после этого периода имперфективный презенс уже не встречается. В поэзии наиболее поздний пример презенса НСВ (19), который нам удалось обнаружить, датируется 1840 годом⁵. Ср.:

- (15) Из истин, истина единая живая, / Смерть воцарилась, жизнь во лжи изобличая,
/ И сердце, сжатое боязнью и тоской, / Слабеет и падет под мыслью роковой.
[П. А. Вяземский. Осень 1830 года (1830); пример отмечен в Булаховский 1948: 117]
- (16) Между тем множество заговорщиков разговаривают о возмущении против татар; они ищут начальника; и выбор падет на Мстислава; они идут искать его. [М. Ю. Лермонтов. Автобиографические заметки (1830-1841)]
- (17) С вековых гробниц пустыни / Утра пар слетает синий, / Отблеск дня передает
/ Пирамиде пирамида, / И с вершины их падет / Яркий свет в лазурь Мерида,
/ Где, разлив дневных лучей / Возвещая громким криком, / В тростнике
проснулась диком / Стая вольных лебедей. [А. И. Подолинский. Смерть Пери, 5 (1834-1836)]
- (18) Огнями небо разрывая, / Летела туча громовая; / Умолкла... Ветер не несет – /
И тихо в бездну океана / Печальной глыбой тумана / Огнегремучая падет. [В. Г. Бенедиктов. Ватерлоо (1836)]

⁵ Ср. аналогичное наблюдение Н. С. Авиловой: «К 40-м годам XIX в. глаголы *кончить*, *решить*, *пасть* и *пленить* в значении несов. вида выходят из употребления. Закрепляются глаголы *кончат*, *решат*, *падут*, *пленят*.» (Авилова 1964: 36).

(19) Вот, словно в раздумье, она отступила, / Вот берег она под себя покатила / И выше сама поднялась и падет; / И громом, и пеной пучинная сила, / Холодная бурно меня обхватила, / Кружит, и бросает, и душит, и бьет! [Н. М. Языков. Морское купанье (1840)]

Один из наиболее поздних примеров презенса НСВ в прозе – (16), извлеченный из рабочих тетрадей Лермонтова⁶; этот пример тем интереснее, что в поэзии Лермонтова употребления презенса НСВ после 1828 г. (т.е. начиная с 15-летнего возраста автора) уже не встречаются ни разу, при том, что глагол *пасть* у Лермонтова в целом частотен. К ранним примерам употребления презенса НСВ в поэзии Лермонтова относятся (20) и (21):

(20) С тех пор-то женщина любви не знает!.. / И точно как рабов считает нас она... / Так в наказаниях всегда почти бывает; / Которые смиренной, на тех падет вина!.. [М. Ю. Лермонтов. Заблуждение Купидона (1828)]

(21) А здесь изрубленный герой / Воззвать к дружине верной хочет; / И голос замер на устах. / Другой бежит на поле ратном; / Бежит, глотая пыль и прах; / Трикрат сверкнул мечом булатным, / И в воздухе недвижим меч; / Звеня, падет кольчуга с плеч; / Копье рамена прободает, / И хлещет кровь из них рекой. [М. Ю. Лермонтов. Черкесы (1828)]

По-видимому, к концу 1820-х годов имперфективные употребления *пасть* уже осознавались как архаизирующий поэтизм. В этом отношении весьма показательна судьба форм презенса *пасть* у Пушкина: как и во многих других случаях, она очень точно отражает доминирующие тенденции складывающейся новой литературной нормы (ср. Падучева 2001). В ранних текстах Пушкина – до начала 1820-х годов – имперфективный презенс высокочастотен, в том числе в таких ключевых произведениях, как ода «Вольность» (1817), поэмы «Руслан и Людмила» (1820) и «Кавказский пленник» (1821), начальные главы «Евгения Онегина» (1823); вместе с тем, уже в самых первых текстах Пушкина имеются и немногочисленные примеры перфективного употребления форм презенса глагола *пасть*⁷. Перелом происходит в 1823 году, когда мы встречаем последний пример имперфективного презенса (во второй главе «Евгения Онегина») и одновременно – начало последовательного употребления презенса *пасть* в перфективных контекстах (которые мы в дальнейшем находим в «Подражаниях Корану», в «Борисе Годунове», в шестой главе «Евгения Онегина», в «Моцарте и Сальери» и др.). Таким образом, корпус Пушкина

⁶ По мнению исследователей, этот найденный в черновиках Лермонтова набросок нереализованного замысла сочинения из истории Древней Руси (с главным героем по имени Мстислав) датируется 1831 г.

⁷ Случайно или нет, но все ранние примеры у Пушкина содержат повтор глагольной словоформы, ср. ниже (31) и (32).

как в миниатюре отражает тенденции изменения видовой характеристики глагола *пасть* в начале XIX в.; любопытно, что во второй половине 1820-х годов, когда Пушкин уже перестал употреблять имперфективный презенс *пасть*, эта форма устойчиво сохранялась у многих поэтов, бывших как старше (Вяземский), так и моложе Пушкина (Баратынский, Языков, Подолинский, Бенедиктов и др., см. примеры выше). Ср. наиболее показательные примеры имперфективных (22)-(30) и перфективных (31)-(39) употреблений форм презенса *пасть* у Пушкина:

- (22) Он поднял меч... и с трепетом Эвлега / Падет на дерн, как клоч летучий снега,
/ Мятелицей отторженный со скал! [А. С. Пушкин. Эвлега (1814)]
- (23) Молчит Закон – народ молчит, / Падет преступная секира... / И се – злодейская
порфира / На галлах скованных лежит. [А. С. Пушкин. Вольность (ода) (1817)]
- (24) О стыд! о ужас наших дней! / Как звери, вторглись янычары!.. / Падут
бесславные удары... / Погиб увенчанный злодей. [А. С. Пушкин. Вольность
(ода) (1817)]
- (25) Свершились милые надежды, / Любви готовятся дары; / Падут ревнивые
одежды / На цареградские ковры... / Вы слышите ль влюбленный шопот / И
поцелуев сладкий звук <...>? [А. С. Пушкин. Руслан и Людмила (1817-1820)]
- (26) Я вижу: тайная слеза / Падет на стих мой, сердцу внятней; / Ты покраснела,
взор погас; / Вздохнула молча... вздох понятный! [А. С. Пушкин. Руслан и
Людмила (1817-1820)]
- (27) И тихо меч он опускает, / В нем гнев свирепый умирает, / И мщенье бурное
падет / В душе, молением усмиренной: / Так на долине тает лед, / Лучом полудня
пораженный. [А. С. Пушкин. Руслан и Людмила (1817-1820)]
- (28) Раздался девы жалкий стон, / Падет без чувств — и дивный сон / Объял
несчастную крылами. [А. С. Пушкин. Руслан и Людмила (1817-1820)]
- (29) Бывало, в светлый Баиран / Сберутся юноши толпою; / Игра сменяется игрою.
/ То, полный разобрав колчан, / Они крылатыми стрелами / Пронзают в облаках
орлов; / То с высоты крутых холмов / Нетерпеливыми рядами, / При данном
знаке, вдруг падут, / Как лани землю поражают, / Равнину пылью покрывают /
И с дружным топотом бегут. [А. С. Пушкин. Кавказский пленник (1820-1821)]
- (30) Увы! на жизненных браздах / Мгновенной жатвой поколенья, / По тайной воле
провиденья, / Восходят, зреют и падут; / Другие им вослед идут... [А. С. Пушкин.
Евгений Онегин / Глава вторая (1823)]
- (31) Но время протечет, / И с каменных ворот / Падут, падут затворы, / И в пышный
Петроград / Через долины, горы / Ретивые примчат. [А. С. Пушкин. К сестре (1814)]
- (32) О Рим, о гордый край разврата, злодеянья! / Придет ужасный день, день мщенья,
наказания. / Предвижу грозного величия конец: / Падет, падет во прах вселенная
венец. [А. С. Пушкин. Лицинию (1815-1825)]
- (33) Когда-нибудь на грешный кров / Твоих запачканных домов / Небесный гром
конечно грянет, / И – не найду твоих следов! / Падут, погибнут пламена, / И
пестрый дом Варфоломея / И лавки грязные жидов. [А. С. Пушкин. Из письма
к Вигелю (1823)]

- (34) Но дважды ангел вострубит; / На землю гром небесный грянет: / И брат от брата побежит, / И сын от матери отпрянет. / И все пред бога притекут, / Обезображенные страхом; / И нечестивые падут, / Покрыты пламенем и прахом. [А. С. Пушкин. Подражания Корану, 3 (1824)]
- (35) Кровь русская, о Курбский, потечет! / Вы за царя подъяли меч, вы чисты. / Я ж вас веду на братьев; я Литву / Позвал на Русь, я в красную Москву / Кажу врагам заветную дорогу!.. / Но пусть мой грех падет не на меня – / А на тебя, Борис-цареубийца! [А. С. Пушкин. Борис Годунов (1824-1825)]
- (36) <...> невинной музы дани / Сберите. Строгий свет, надменная молва / Не будут ведать их. Увы, моя глава / Безвременно падет: мой незрелый гений / Для славы не свершил возвышенных творений; / Я скоро весь умру. Но, тень мою любя, / Храните рукопись, о други, для себя! [А. С. Пушкин. Андрей Шенье (1825)]
- (37) Паду ли я, стрелой пронзенный, / Иль мимо пролетит она, / Всё благо: бдения и сна / Приходит час определенный! [А. С. Пушкин. Евгений Онегин / Глава шестая (1826)]
- (38) Оковы тяжкие падут, / Темницы рухнут – и свобода / Вас примет радостно у входа, / И братья меч вам отдадут. [А. С. Пушкин. «Во глубине сибирских руд...» (1827)]
- (39) Что пользы, если Моцарт будет жив / И новой высоты еще достигнет? / Подымет ли он тем искусство? Нет; / Оно падет опять, как он исчезнет: / Наследника нам не оставит он. [А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери (1830)]

Существенно также, что более поздние примеры употребления *пасть* у Пушкина отражают и общеязыковую семантическую эволюцию этого глагола (о которой подробнее – в следующем разделе): так, в (39) *пасть* уже используется в метафорическом ('прийти в упадок'), а не в прямом («позиционном») значении, которое у него в современном языке утрачено.

III.

История изменения видовой принадлежности глагола *пасть* в начале XIX в. сама по себе интересна, однако она становится еще интереснее, если ее рассматривать не изолированно, а в связи с некоторыми другими семантическими и грамматическими свойствами этого глагола, также претерпевшими заметную эволюцию на протяжении XIX века. В этом случае произошедшие изменения представляются гораздо менее случайными и получают более глубокую интерпретацию на фоне других процессов изменения русской видовой системы. Ниже мы ограничимся лишь некоторыми предварительными замечаниями на эту тему.

Наряду с утратой имперфективных употреблений, глагол *пасть* развил ряд новых аспектуальных корреляций, а также претерпел ряд семантических

изменений. Оба аспекта этой эволюции представляются важными и тесно связанными друг с другом.

В аспектуальном отношении, как отмечено уже в Авилова 1964, имперфективные формы глагола *пасть* заменяются формами презенса глагола *падать*. Собственно, *падать* как имперфективный коррелят *пасть* sporadически употребляется уже в XVIII в. и достаточно быстро вытесняет двувидовые формы этого последнего в презенсе. Ср., например, в тех же самых текстах Пушкина, в которых еще встречается имперфективное *падет*:

- (40) К брегам причалил тайный враг, / Стрела выходит из колчана – / Взвилась – и падает казак / С окровавленного кургана. [А. С. Пушкин. Кавказский пленник (1820-1821)]

По происхождению *падать* является древним итеративом по отношению к *пасть*, и, по-видимому, проделал ту же самую семантическую эволюцию, какая была характерна для всех итеративов, постепенно втягивавшихся в сферу вторичных имперфективов от предельных глаголов (как считается, этот процесс завершается как раз к XVIII – началу XIX вв.). В древнерусских памятниках глагол *падати* зафиксирован вполне надежно, и хорошо видно, что древнейшие примеры его употребления (первые фиксации – не позднее XIII века) отчетливо связаны с выражением не столько имперфективности, сколько глагольной множественности, причем, в полном соответствии с этой семантикой, наиболее частотна в древнерусских текстах форма имперфекта 3 множ. *падаху*, ср.:

- (41) людье же видивше татары на городѣ. оустрѣмишасѧ побѣгнути до дитиньца. и не можахоу оумѣстити(с) во ворота. зане мость. бѣше оузокъ воротомъ. и подавиша сѧ сами. а друзии падахоу с мостка. в ровъ. акы сноповье. [Волынская летопись (1262–1292)] ‘Люди же, завидев татар в городе, бросились бежать к кремлю и не смогли пройти в ворота, так как мост перед воротами был узок, и одних передавило, а другие попадали с моста в ров, как снопы’
- (42) того(ж) лѣ(т) · бѣ ведро велми · и мнози борове и болота загарасѧ · и дѣмове силни бѣху ꙗко недалече бѣ видѣти чл(в)кмъ · бѣ бо ꙗко мгла к земли прилегла · ꙗко и птица(м) по асру не бѣ лзѣ лѣтати · но падаху на земли и оумираху [Суздальская летопись (1111–1305), запись под 1223 г.] ‘В тот же год была сильная засуха и горело много лесов и болот, и дым был такой густой, что не было видно на расстоянии – как будто тьма окружила землю, и птицы не могли летать по воздуху, а <то и дело> падали на землю и погибали’

В примерах (41)-(42), как и во многих других однотипных, содержатся явные контекстные указания на множественность описываемых ситуаций, как лексические, так и грамматические (в том числе другие древние многократные глаголы, как, например, *лѣтати*). Во всех этих

случаях описывается последовательное или одновременное падение многих объектов и/или повторяющиеся ситуации падения, но не единичный длящийся процесс падения, как в (40): такие употребления возникают существенно позже.

Возникновение вторичного имперфектива *падать* имело и другое следствие, помимо устранения имперфективных употреблений у форм презенса *пасть*: оно – на первый взгляд, парадоксально – привело к вытеснению и перфективных форм глагола *пасть*, но на этот раз в пользу приставочного коррелята СВ *упасть*. Однако парадоксальным этот процесс на самом деле не является и вполне вписывается в логику развития русской видовой системы, в соответствии с которой глагольные симплексы должны быть имперфективными: единичные исключения представляют собой реликт более древнего состояния с аспектуально нейтральными симплексами и охарактеризованными по виду префиксальными перфективами и вторичными имперфективами (о соотношении симплексов и префиксальных производных в диахронии славянского вида см. подробнее Eckhoff, Janda 2014 и Eckhoff, Naug 2015). В истории русского языка перфективные симплексы в значительной степени устранялись за счет квазисинонимичных префиксальных коррелятов. Так, существовавшие до сравнительно недавнего времени перфективы **ронить* и **стрелить* были вытеснены приставочным *уронить* и *выстрелить*, имперфективными коррелятами которых остались бесприставочные итеративы *ронять* и *стрелять*; это привело к возникновению такого своеобразного явления, как «двухосновная перфективация» (подробно рассмотренного в Плунгян 2015). Пара *упасть* ~ *падать* во многих отношениях близка к парам типа *уронить* ~ *ронять* (где также «потеряно» исходное звено в виде перфективного симплекса); при префиксации итеративных глаголов наблюдается то же противопоставление «итеративной» основы – «простой» (ср. префиксальные перфективы *упасть*, *выпасть*, *запасть*, *попасть*, но *попадать*, *нападать* и т.п. – аналогично парам вида *выстрелить*, но *настрелять*). У большинства русских глаголов такого противопоставления различных основ не наблюдается (ср. имперфектив *резать* и морфологически однородные перфективы *вырезать*, *зарезать*, *нарезать* <много> и т.п.): для перфективации достаточно простого присоединения префикса.

В свете сказанного понятно также, почему в современном русском языке в общем не удержался активный в первой половине XIX в. имперфективный коррелят *упасть* (на этот факт также обратила внимание Н. С. Авилова⁸): при двухосновной перфективации имперфективным коррелятом обычно

⁸ В Авилова 1964 утверждается, что в прозе *упасть* исчезает к 40-м годам XIX в., а в поэзии «сохраняется до конца XIX в.» (Авилова 1964: 36-37). Однако корпусные данные свидетельствуют, что в поэзии *упасть* продолжает достаточно широко употребляться на протяжении всего XX в. (в том числе у Анненского, Бунина, Бальмонта, Блока, Белого, Хлебникова, Ходасевича, Цветаевой, Набокова, Заболоцкого, Самойлова, Кривулина и мн. др. поэтов, вплоть до современных).

остается приставочный глагол с итеративной основой, тогда как все приставочные производные от обеих основ перфективны (не существует глаголов типа *уронять или *застрелять). Вместе с тем, *упадать* не вполне исчез даже из современного языка и по крайней мере в пассивный репертуар образованных носителей языка, безусловно, входит. Любопытно замечание А. П. Чудакова, обратившего внимание, устами одного из героев своей мемуарной прозы, на употребление глагола *упадать* в известном стихотворении Э. Багрицкого 1932 г. «Смерть пионерки» («на плетёный коврик упадет крест»): «Даже у атеиста – одессита, революционного поэта, в стихотворении, безбожном по заданию, – даже у него именно так, только так сказались о кресте. Не падает, а упадет!» [А. П. Чудаков. Ложится мгла на старые ступени (1987-2000)]. Наблюдение героя Чудакова, возможно, отчасти справедливо (некоторая специфическая стилистическая нагруженность у глагола *упадать* действительно есть), но следует иметь в виду, что в первой половине XX века этот глагол был еще достаточно частотен в поэзии, и у самого Багрицкого также встречался и в других (относительно нейтральных) контекстах. Не исключено, что читатель конца XX века воспринимает эту цитату как стилистически менее нейтральную, чем современник Багрицкого.

Наше последнее замечание касается семантической эволюции глагола *пасть*. Как уже было сказано, при двухосновной перфективации исходный симплекс СВ обычно исчезает как избыточное звено аспектуального гнезда. Судьба глагола *пасть* в русском языке оказалась несколько иной. Он не исчез полностью, хотя и существенно снизил употребительность. Строго говоря, этот глагол действительно вышел из употребления в своем основном, «позиционном» значении (в современном русском языке абсолютно немислимы сочетания типа *шкаф пал на пол или *от ветра стакан пал со стола), где его успешно заменяет пара *упасть* ~ *падать*, но сохранился в различного рода метафорических употреблениях, которые в меньшей степени нуждаются в актуализации видового противопоставления. Таково прежде всего значение ‘капитулировать; перестать существовать’ (*диктаторский режим пал; крепость пала*; соотносительных форм НСВ нет), а также ‘умереть (часто в массовом количестве)’ применительно к животным (*лошади пали*; НСВ возможен, но мало употребителен) или ‘погибнуть в сражении’ (*пал в боях за родину*; ср. также частотное причастие *павший*, употребительное в том числе и субстантивированно именно в этом значении; соотносительных форм НСВ нет). К этим контекстам примыкает и значение ‘морально деградировать’ (*как ты мог так низко пасть*; НСВ возможен, но мало употребителен). Помимо этого, *пасть* устойчиво сохраняется в различных идиоматических конструкциях: в современном языке наиболее частотны выражения *выбор пал / падает (на кого-л. или что-л.)*, а также *пасть /*

Впрочем, и в прозаических текстах XX в. *упадать* тоже встречается, обычно с некоторым оттенком архаизации.

падать духом и *пасть* (но не **падать!*) *жертвой*. Любопытно, что образованное от той же основы бесприставочное отглагольное имя ситуации *падение* отражает более архаичное состояние: так, *падение* по-прежнему соотносится и с позиционным значением (*падение шкафа* – так же, как *падение правительства* или *моральное падение*; вместе с тем, существует только *падёж*, но не *падение скота)⁹.

Таким образом, несмотря на закономерное (после утраты биаспектуальности) исчезновение глагола *пасть* в прямом значении, его позиции в современном языке представляются еще достаточно прочными; но этот редкий симплекс СВ лучше всего сохраняется как *perfectivum tantum* в таких контекстах, где видовая коррелятивность ослаблена или отсутствует.

Библиография

- Авилова 1964: Н.С. Авилова, *Образование видовой корреляции у глаголов, имеющих двувидовое значение*, in: В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова (ред.), *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Глагол, наречие, предлоги, союзы в русском литературном языке XIX века*, Москва 1964, 34-44.
- Андросюк 2015: Н.В. Андросюк, *Биаспектив и контекст*, in: Р. Бенакьо (ред.), *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст*, München 2015, 21-34.
- Булаховский 1948: Л.А. Булаховский, *Русский литературный язык первой половины XIX в. Том II: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис*. Киев 1948.
- Долгопольский 1963: А.Б. Долгопольский, *Категория вида в русском языке и вероятностный характер связи означаемого с означающим*, in: *Проблемы структурной лингвистики*, Москва 1963, 266-281.
- Еськова 1990/2011: Н.А. Еськова, *Формальные соотношения между членами видовых пар в русском языке*, in: Н.А. Еськова, *Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография*, Москва 2011, 230-241.

⁹ Замечательным образом, *падение* невозможно и в качестве номинализации ситуации *пасть в бою / на поле брани*: здесь может быть использован только супплетивный коррелят *гибель*.

- Зализняк и др. 2015: Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелёв, *Русская аспектология: в защиту видовой пары*. Москва 2015.
- Зельдович 2012: Г.М. Зельдович, *Прагматика грамматики*. Москва 2012.
- Зорихина-Нильссон 2014: Н. Зорихина-Нильссон, *Несовершенный вид и успешивность: К вопросу о нетривиальных контекстах в русском языке в плане прошлого*, "Scando-Slavica", 60, 2, 2014, 172-188.
- Иткин 2014: И.Б. Иткин, *Можно ли определить вид русского глагола?* In: *Международная конференция «Научное наследие и развитие идей Ю. С. Маслова»: Тезисы*. Санкт-Петербург 2014, 84-86.
- Кнорина 1976: Л.В. Кнорина, *Семантическая классификация и виды глагола (на материале глаголов на -овать)*, "Семиотика и информатика", 7, 1976, 62-78.
- Никитина 2014: Е.Н. Никитина, *Видо-временные формы рамочных глаголов в русском нарративе XIX-XXI веков*, «Русский язык в научном освещении», 2014, 28 (2), 58-81.
- Падучева 2001: Е.В. Падучева, *Русский литературный язык до и после Пушкина*, in: Gerhard Ressel (ed.), *A.S. Puškin und die kulturelle Identität Russlands*, Frankfurt/Main 2001, 97-108.
- Падучева 2015: Е.В. Падучева, *Обаспектуальности русского глагола быть*, in: М. Китадзё (под ред.), *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*, Киото 2015, 176-184.
- Плунгян 2015: В.А. Плунгян, *Двухосновная перфективация в русском языке: морфология и семантика*, in: М. Китадзё (под ред.), *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*, Киото 2015, 208-212.
- Черткова, Чанг Пей-Чи 1998: М.Ю. Черткова, Чанг Пей-Чи, *Эволюция двувидовых глаголов в современном русском языке*, "Russian Linguistics", 22, 1, 1998, 13-34.
- Eckhoff, Haug 2015: Н.М. Eckhoff, D.T. Haug, *Aspect and prefixation in Old Church Slavonic*, "Diachronica", 32 (2), 2015, 186-230.
- Eckhoff, Janda 2014: Н.М. Eckhoff, L. Janda, *Grammatical Profiles and Aspect in Old Church Slavonic*, "Transactions of the Philological Society", 112 (2), 2014, 231-258.

Abstract

Vladimir Plungjan

For a list of biaspectual verbs in Russian: the history of past'

The paper is concerned with the history of the Russian verb *past'* 'fall', which until the mid-19th century used to have biaspectual present forms. The analysis deals both with the historical motivation for this biaspectual behaviour and the factors behind its loss. The most important stage of the process seems to be the gradual disappearance of the primary spatial usages of *past'*: these came to be expressed by a newly created aspectual pair, *padat'/upast'*. The latter is close to the so-called two-stem perfectivization verbs, which I examined in more detail in my previous work.

Keywords: Russian aspect, biaspectual verbs, two-stem perfectivization